

ЧАСТНЫЕ ИГРОКИ СТРАШНЕЕ ГОСУДАРСТВ

Кори Робин

Кори Робин — американский либеральный политический теоретик, публицист; адъюнкт-профессор политической науки в Бруклинском колледже и Университете Нью-Йорка. Автор книги «Страх: история политической идеи» (2004, лучшая книга по политической теории по версии Американской ассоциации политической науки; русский перевод — 2007). Постоянный автор *American Political Science Review*, *The New York Times*, *The Washington Post*, *The Nation*

РЖ *Насколько велико влияние страхов на нашу политическую, экономическую и социальную жизнь? Может ли современная культура быть названа «культурой страха»?*

Я думаю, мы вполне можем назвать ее «культурой страха». Парадокс нашей культуры заключается в том, что, **несмотря на все достижения в сфере безопасности, чувство страха в людях только растет.** Не знаю, как в России, но на американских авиалиниях действуют очень тщательно разработанные

меры безопасности. Недавно в связи с этим возник скандал, потому что предпринимаемые меры слишком сильно вторгаются в частную жизнь человека. Интересно, что все усилия в этом направлении на самом деле делают людей еще более опасливыми, ощущение угрозы у них возрастает. По моему мнению, парадокс в том, что чем больше мер принимается для противостояния угрозам, тем меньше мы чувствуем себя в безопасности. Так, например, в девяностых годах в США резко упало число тяжких преступлений, таких как убийства. Это произошло по самым разным причинам. Однако люди от этого не стали меньше беспокоиться за свою безопасность, их страхи только возросли.

РЖ *Страх — биологическое явление. Когда биологический страх превращается в страх политический?*

Биологический страх трансформируется в политический в тот момент, когда он становится частью политической программы, превращается в одну из основных составляющих проводимой политики и политических дискуссий. Все это внезапно превращает биологический страх в элемент поли-

дят нашу страну стороной, в то время как страхи перед терроризмом просто огромны. Это трансформирует биологический страх, делая его политическим. **Во-вторых**, объект страха (то, что нам угрожает), будь то преступник или террорист, определенным образом интерпретируется политической элитой, она присваивает этому объекту определенный код, придает ему определенное значение. Эти интерпретации формируют наш опыт переживания страха. Например, люди считают, что терроризм появился из-за того, что определенные силы ненавидят Соединенные Штаты за их приверженность свободе. Таким образом, мы получаем тот или иной вид страха. **В-третьих**, многое зависит от мер, предпринимаемых элитой для борьбы с тем или иным страхом. Как правило, эти меры очень ограничены и осторожны. Я думаю, что все это трансформирует обычный биологический страх в страх политический.

РЖ *Часто можно услышать, что страх — атрибут тоталитарного государства. Как соотносятся страх и демократия?*

Я хотел бы ограничить свой ответ разговором только об амери-

Биологический страх трансформируется в политический в тот момент, когда он становится частью политической программы

тики. И вот что при этой трансформации происходит. **Во-первых**, политическая и экономическая элита фокусируется только на конкретных биологических страхах населения. Например, экономические страхи во многом обхо-

канской демократии. У либеральной демократии в США есть пара характерных черт. В традиционном либерализме считается, что для ограничения страха необходимо ограничить государственную власть. Впрочем, в ходе моего

исследования я выяснил, что **исторически источником самых ужасных страхов в США становится не государство, а частные «игроки»**. Это можно проследить начиная со времен рабства. Рабство — самая понятная система политического запугивания и страха, по крайней мере в этой стране. Рабство процветало за счет того, что на государственную власть были наложены ограничения. Запугивание удалось уменьшить только тогда, когда государство получило полномочия на устранение этих частных форм власти. Примеры такого рода страха можно найти в американских частных компаниях. В руках их владельцев сосредоточены очень мощная власть и весьма действенные средства принуждения. Федеральная власть не занимается регулированием этой ситуации в достаточной мере.

Так что, говоря о соотношении между демократией и страхом, по крайней мере в американском контексте, следует помнить, что это соотношение создало очень

этих движений и их лидеры считают, что если вы хотите избавить человека от принуждения и сделать его по-настоящему свободным, а именно это является основополагающей идеей либерализма, то вы должны ограничить действия частных интересов с помощью государственной власти — на работе, в семье, в религиозных учреждениях. Иначе говоря, **нужно не ограничивать, а расширять полномочия государства. Я считаю,**

ной автократией на рабочих местах, не решился оказать профсоюзам организационную помощь. Мне кажется, сегодня это один из ключевых нерешенных вопросов. Был подготовлен специальный закон, который до сих пор находится на рассмотрении конгресса. Обама пока так и не начал продвигать этот закон. Дело не только в одном законе. Дело в неспособности его администрации понять: для создания свободного общества очень важна ведущая роль государства, что исторически это можно осуществить только с помощью государственной власти. **Вместо извинений за применение государственного ресурса, Обаме следовало бы напрямую заявить, что государство — это не враг свободы, а инструмент для ее достижения.**

РЖ *Вы говорите о внутренних угрозах и сопряженных с ними страхами, но ведь есть еще угрозы внешне. Например, страх терроризма приводит к усилению государственной власти. Некоторые эксперты считают, что это угрожает свободе. Что вы думаете по этому поводу?*

Да, это верно, я не хотел бы игнорировать данный фактор. Однако в США это опять приводит к усилению частного сектора, а не государственной власти как таковой. Например, кто занимается производством и установкой камер слежения, которые сегодня можно встретить практически на каждом углу? Этим занимаются частные компании, работающие по частным контрактам. А в результате страдают вполне конкретные группы граждан. Опять-таки я не хочу преуменьшать важность этого аргумента, мне кажется, что определенная доля правды в нем есть. Однако это не аргумент против государственной власти как таковой, это аргумент, который помогает выявить вполне конкретный страх, с которым нужно бороться. Об этом можно и нужно говорить.

Для создания свободного общества очень важна ведущая роль государства, что исторически это можно осуществить только с помощью государственной власти

хитроумную систему ограниченный полномочий государственной власти, в особенности центральной государственной власти, которая позволила частным компаниям получить очень сильную власть над рядовыми гражданами.

РЖ *Есть ли в американской либеральной традиции тенденция преодоления данных негативных явлений?*

В США есть и либерализм другого вида. У него нет названия, но я связываю его с Мартином Лютером Кингом, с Фредериком Дугласом, с феминистским движением, с Джоном Дьюи, с рабочим движением. Представители всех

что именно в этом заключается великая миссия либералов. Государственная власть должна искоренить страх, свирепствующий в частном секторе.

РЖ *Как вы думаете, президент Обама движется в этом направлении?*

Я не знаю, что у него на душе, и не хотел бы рассуждать о его личных намерениях или о том, во что он на самом деле верит. Однако промежуточные итоги деятельности его администрации очень разочаровывают. Возьмем, например, проблемы профсоюзов. За парой исключений, Обама так и не начал решать эти проблемы. Он не решился покончить с част-

РЖ *Вы все же полагаете, что ведущую роль должно взять на себя государство и что не нужно этого опасаться?*

Конечно же, нам нужно относиться к государству, как к любому другому общественному институту, обладающему властью, — с долей критики и скептицизма. **Мне просто кажется, что сегодня реальную угрозу все же представ-**

Думаю, вы правы. Возможно, так было всегда. Сегодня ситуация в этом отношении не отличается от того, что было раньше. Без сомнения, страх — это ходовой товар. Опять-таки взгляните на частные компании, работающие в сфере борьбы с терроризмом и обеспечения безопасности. Эта сфера экономики процветает. Без сомнения, вы правы.

должно преследовать. Что-то может вызывать страх, что-то — нет. Именно эта основополагающая общность идей объединяет общество, а не заурядный страх как таковой.

РЖ *То есть страх — это плохой фактор для объединения нации?*

Дело не в этом, а в том, что страх вообще не участвует в объединении нации. Я знаю, некоторые интеллектуалы и политические лидеры верят в то, что страх может объединять общество, однако история доказала, что это не так.

Мне кажется, наше общество, как и раньше, объединяют идеи. Общество объединяют именно идеи, и только потом оно начинает испытывать определенные страхи. Например, что сегодня движет представителями движения «Чаепитие» (Tea Party Movement)? Они боятся государства, приезжих, мусульман, террористов. Однако их объединяют не эти опасения, а основополагающая идеология, видение будущего Америки. А это, в свою очередь, вызывает у них определенные страхи. ■

*Беседовали Дмитрий Узланер
и Александр Павлов*

Именно частные компании все чаще становятся источником запугивания человека

ляет не государство как таковое, а именно частный сектор. Если спросить у рядового гражданина, откуда исходит больше всего принуждения в его жизни, то он про государство может и не вспомнить, а прежде всего упомянет работодателя, семью и т.д. Именно частные компании все чаще становятся источником запугивания человека.

РЖ *Одна из наших сегодняшних тем — «страх как товар». Вы согласны с утверждением о том, что, будучи сегодня одним из самых ходовых товаров, страх продается средствами массовой информации и политическими партиями?*

РЖ *Есть ли у политического страха какие-нибудь положительные черты?*

В этом отношении я всегда настроен очень скептически. Всегда существовало мнение, что политический страх каким-то образом может играть объединяющую роль, что он может подтолкнуть общество к решению проблем, которые раньше решить не удавалось. Я склонен полагать, что все эти аргументы претенциозны. **Общество объединяет не заурядный страх, а основополагающее видение и общие взгляды относительно того, что может быть полезно для общества и какие цели оно**

ЗА СТРАХОМ — ВОСТОРГ ОТ НЕГАТИВНОСТИ

АРТЕМИЙ МАГУН —
Доцент Европейского университета в Санкт-Петербурге, политический философ, член рабочей группы «Что делать», редактор одноименной газеты. Автор книги «Отрицательная революция» (2008)
Специально для РЖ

Если вы зададите вопрос мне как к политическому философу о политической функции страха (или террора, паники, тревоги — много синонимов) в современном мире, то да, террор как политический эффект особенно характерен именно для демократических обществ. **Террор есть безуспешный поиск суверена, пароксизм той негативности, которая образует в демократиях «суверенное место».** Об этом хорошо в связи с Французской революцией писал Клод Лефор.

В настоящее время политический страх, в смысле беспредметной тревоги (Angst), пропагандируемой в средствах массовой информации, является единственным для наших распадающихся обществ способом *негативно* пережить солидарность, пробежать в воображении целое общество, целый город. Не в искомом террористе дело, а в контакте с этим целым. И в этом смысле террор и нагнетание тревожности в демократических СМИ есть, с одной стороны, естественный способ конституирования сообщества при наличии алиби, с другой — страх страха, то есть предъявление самой демократической негативности как опасной и подлежащей репрессии.

За страхом нужно видеть и восторг от негативности. Но вы, редакция, почему-то спрашиваете о страхе, а не о восторге. Желание ли это нагнетать его, изжить или разделить с другими? ■